

Олег Веденеев

роман-анекдот

Олег Веденеев

Гады

«Издательские решения»

2015

Веденеев О. В.

Гады / О. В. Веденеев — «Издательские решения», 2015

Странные люди, называющие себя пиарщиками, играют в загадочные игры: ищут кнопки, мягко ломают через колено, разоблачают крупных руководителей, заставляя поверить в свое всемогущество. Кто они: сотрудники спецслужб, администрации Президента РФ, центра «Э»? Или просто мошенники, ловящие рыбку в мутной воде? Уморительное чтение, убивающее рутину будней, — с контрольным выстрелом в финале.

© Веденеев О. В., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

I	6
II	9
III	12
IV	16
V	18
VI	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Гады
роман-анекдот
Олег Владимирович Веденеев

© Олег Владимирович Веденеев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

I

Высокий молодой человек с тонкими, словно специально поджатыми в злой усмешке губами и выразительными голубыми глазами вышагивал взад-вперед по кабинету. Перед ним, как школьники перед учителем, за длинным-предлинным столом сидели ошарашенного вида господ и дамы. Главным образом, это были господа – немолодые, седые, с проплешинами и животами, выпирающими из-под взмокших сорочек. Из общего ряда выделялись двое статных, пышущих здоровьем молодых мужчин в дорогих, узких по моде, итальянских костюмах. Была еще пара испуганных женщин – красивая высокая брюнетка за сорок с большими черными глазами и маленькая пожилая блондинка с глупым лицом, похожая на упитанную болонку. Кто-то тяжело дышал, кто-то судорожно поправлял сбившийся набок галстук, один из министров вытирал со лба внезапно выступивший пот.

Во главе стола, там, куда непроизвольно уходил взгляд всякого, кто переступал порог губернаторского кабинета, находился большой мрачный человек, отбивавший костяшками волосатых пальцев нечто вроде марша, не исключено что похоронного. Весь вид его говорил, что он здесь главный, и то, что происходит у него в кабинете, происходит только потому, что он этого хочет или еще не решил, когда это должно прекратиться. Этот пожилой альфа-самец был почти лысым – робкие седые всходы едва пробивали целину массивного, лоснящегося в свете ламп черепа. Крепкие плечи, большие руки, мощная челюсть и слегка скошенный набок нос выдавали в нём любителя грубых видов спорта, давным-давно перешедшего в стан болельщиков. Его вытянутые в трубочку губы выражали глубокую задумчивость, а маленькие глазки на ожиревшем лице горели нехорошими огоньками.

Сидельцы по обеим сторонам стола опасливо поглядывали в сторону Лысого как слабые дети в плохой подростковой компании, предчувствующие начало большой драки и сильно жалеющие о том, что не послушали маму и оказались в ненужное время в ненужном месте.

Тонкогубый остановился, заложил обе руки за спину, выдержал паузу и сказал ядовитым тоном:

– Что смотрите?! Активности ноль! Привыкли сидеть за спиной губернатора! Пригрелись! Пришипились! Приклеились попами к креслам! Пора работать, господа!

«Оплеуха» прозвучала с такими неповторимыми интонациями, что каждый из адресатов почувствовал себя мухой, на которую со свистом опускается мухобойка.

– Дык мы работаем, – начал было пожилой прокурорный мужик с кустистыми бровями и седым попугайским хохолком из спутавшихся волос на голове; его выпученные глаза вращались как два маленьких глобуса, апеллируя к коллегам, но те предпочитали смотреть в стол.

– Да. Работаем, – наконец, поддакнул товарищу полный господин с отвисшими щеками, вытягивая из кожаной папки пухлый отчет. – Работаем-с! Да-с!

– Да вы меня не слышите! Не хотите слышать! – искренне возмутился тонкогубый, повышая голос и с удовлетворением отмечая про себя, что злые огоньки в глазах губернатора загорелись сильнее. – Очень плохо просто хорошо работать. Хорошо, когда люди думают, что вы хорошо работаете. Тогда вы можете вообще не работать. И это будет лучше, чем когда вы работаете, а все думают, что вы не работаете. Не понимаете?! Повторяю: от работы конидохнут! Сегодня в медиа-пространстве ваша работа – пшик! Ее нет, она не существует! Хотя работать вы можете до развязывания пупка и надрыва жил. Отвлекитесь вы, наконец, от работы! Оторвите руки от дыроколов, найдите им другое применение! Пощупайте секретарш, что ли...

Пожилая болонка хихикнула, но всем было не до нее.

Тонкогубый вдруг сорвался на крик:

– Министры правительства! Заместители губернатора! Руководители ведомств и служб! В присутствии первого лица региона битый час я проповедую вам прописные истины пиара, а вы тупите как малые дети! Включайте, наконец, мозги! Ответьте, для чего вам голова?!

Вопрос был обращен ко всем сразу.

Тонкогубый прошёлся острым взглядом по физиономиям чиновников, заставляя каждого съёживаться, пока не остановился на смуглом, небритом, очень похожем на президента Ирана, мужике. Мужик был в галстук и жевал жвачку, чего его восточный *le gémeau* никак не мог себе позволить. «Иранец» окаменел, перестав жевать.

– Чтобы есть, да?! – с вызовом спросил его тонкогубый.

Присутствующие скосили глаза в сторону виноватого. Кто-то хмыкнул.

Губернатор подался вперед, чтобы разглядеть проштрафившегося подчиненного и буркнул:

– Дорожный фонд, ты?! Ставлю на вид!

– Виноват! – пролепетал мужик и попытался вскочить, вытянув руки по швам.

– Да сядьте вы уже! – замахал руками тонкогубый, внезапно сменив тон: металл в его голосе переплавился в истерические бабьи нотки на грани плача, и вместе со слезами вдруг показалось что-то человеческое, заставившее присутствующих облегченно вздохнуть. – Как же вы, господа, не можете понять простую вещь! Я собрал вас здесь не для того, чтобы раздавать пинки и ставить неуды. Если бы я хотел кому-то вставить, то давно уже вставил бы!

Взгляд оратора случайно упал на красавицу-брюнетку, заморгавшую красивыми влажными глазами.

В голосе Тонкогубого неожиданно проявились гнусавые нотки плаксы и ябеды, снова заставившие всех напрячься:

– Но я же хочу по-че-ло-ве-чес-ки! Хочу выстроить работу так, чтобы все мы были в шоколаде. У меня нет желания вас топить и мучить. Я за дело болею! За наше общее дело! За нашего губернатора! Выборы на носу!!! Скажите им, Василий Павианович!

Взгляды снова обратились в красный угол кабинета, где под картой субъекта федерации восседал глава региона. Костяшки перестали отбивать марш. Губернатор медленно встал из кожаного кресла, обнаружив огромный живот под белоснежной сорочкой, по которой стекал вниз красивый фиолетовый галстук. Тонкогубый облизнулся и отметил про себя, что губернатор очень похож на кабана. Остальные просто затаили дыхание. Никто не знал, что будет дальше.

Лысый сурово оглядел присутствующих поросычьими глазками, уперся кулаками в стол и мрачно сказал:

– Значит так! С этого момента Феликс Робертович Роттенмайер наделяется особыми полномочиями. Всем его слушать! Делать, как он скажет! Чтоб еженедельно все министерства и департаменты представляли отчеты о своей медийной активности. Ему и мне! И если кто будет вольтануть – ответит головой! И еще! Перестаньте уже писать мне жалобы на Феликса Робертовича!

Тонкогубый приподнял бровь и склонил голову набок. Ему стало интересно – впервые за всё время показательной порки, которую он устроил членам регионального кабинета. Весь его вид говорил: «Так-так! С этого места, пожалуйста, поподробнее!» Но Лысый опустил подробности, бросив на прощание фразу, показавшуюся Феликсу обидной:

– Пусть мальчик работает!

Когда выходили из приемной, никто не проронил ни слова. Разные мысли вертелись в головах. Кто-то искренне желал неизвестно откуда свалившемуся на них Роттенмайеру лютой смерти. Кто-то радовался, что губернаторский гнев не коснулся лично их. У кого-то были планы на отпуск. Один возбудился, представив вечер в постели с молодой женой. Лишь дамы и спортсмены оставались бесстрастны.

Последним из кабинета вышел Роттенмайер, задержавшись всего на пару минут. О чем он говорил с губернатором *tete a tete*, осталось тайной. И только Ксюша, секретарь в приемной, поделилась вечером с подругой Валей конфиденциальной информацией, которую подслушала, нажав одну хитрую кнопку на селекторе:

– Губернатор ему говорит: «Не круто ли берёшь, Феликс?!» А тот ему: «Нормально, Василий Павианович. С ними только так и нужно. Иначе уважать не будут. Это, – говорит, – Наша национальная особенность. Пока в рыло не дашь или не выпьешь – никакого уважения!» Губернатор ему: «Ты бы лучше с ними выпил!» А Роттенмайер рассмеялся в ответ так противно, как только он один смеется, и говорит: «Что вы! Пить и петь – ваша прерогатива». Прерогатива! Нет, ты представляешь! Такими словами бросаться в кабинете у губернатора! Ужас!

II

Дверь в собственную приемную, появившуюся две недели назад, Феликс Робертович открывал ногой. Вряд ли он боялся, что ему на голову свалится что-нибудь тяжелое. Тем более что в приемной всегда сидела его верная секретарша Валентина. Вот и сейчас, одарив шефа улыбкой, которой он, впрочем, не придавал никакого значения, она привстала и, вместо кник-сена, сделала быстрый вдох с одновременным взмахом красивых ресниц. Под плотной тканью ее пуританского платья с геометрическим античным рисунком проявились грудь и бедра, а на безупречное лицо греческой богини снизошло выражение понимания:

– Как всё прошло?!

– Феерично! Буду зализывать душевные раны! Полчаса меня ни для кого нет!

– Неужели и для меня?! – раздалось из дальнего угла, где стояли пыльные кресла для «маринуемых в приемной».

Знакомый голос заставил Феликса обернуться.

В углу сидел, положив ногу на ногу, мужчина средних лет. Среднего роста, среднего телосложения. Типичные славянские черты лица и короткие светлые волосы, зачесанные набок. Единственное, что выделяло его из толпы – пронзительные синие глаза, будто напоенные энергией неба. Всё остальное было подчеркнуто обычным. Кроссовки, джинсы, рубашка, свитер с оленем. Навскидку ему можно было дать годков тридцать, если бы не очки в стальной оправе, прибавлявшие добрый десяток лет.

Феликс раскинул руки и пошел навстречу гостю:

– Николай Николаич!

– Здорово, Рот!

– Нет уж! Теперь – Роттенмайер Феликс Робертович! Табличку на двери видели?

– Золотом по пластмассе? Видел.

– Так, Валя! Полчаса меня ни для кого нет!

– Вы уже говорили, – надула губки Валентина. – Что я, дура, чтобы мне по два раза повторять?

Когда дверь кабинета закрылась, Роттенмайер выразительно кивнул на стену, за которой осталась секретарша и, хитро подмигнув, прошептал:

– Как она вам?

– Во! – гость поднял большой палец, – Жаришь ее?

– Работаю с ней! – в притворном возмущении выпучив глаза, ответил Рот. – Я же семейный человек! Знаете, сколько у меня детей?

Гость поднял два пальца, будто показывал знак победы.

– Нет! Уже трое! Сам удивляюсь, откуда они берутся... А с Валечкой у меня исключительно деловые отношения. Бывает, наору на нее, потом успокаиваю, жалею.

– Вон оно как! Да ты, братец, затейник! В смысле, ты еще и орешь на подчиненных?

Пока Феликс вынимал из шкафчика стаканы, пришелец уселся за его рабочий стол и огляделся.

На стенах были развешаны многочисленные дипломы и награды хозяина. С десятка больших и малых портретов (некоторые из них были в дорогих рамках) смотрел разный Роттенмайер: хмурый, суровый, человечный. В углу стояло двухметровое, в полный рост, фото главы региона. На столе царил живописный беспорядок, отражавший беспокойный нрав начальника губернаторской пресс-службы. Были веером рассыпаны цветные карандаши. Тикали старинные часы в вычурном бронзовом корпусе. Поверх кучи скрепок лежал симпатичный планшетный компьютер. На левом крае стола находился набор сувенирных ножей с костяными ручками и гравировкой на тему быта народов крайнего Севера. На правом – глиняная статуэтка,

подарок одного польского политолога: гость покрутил ее в руках и попробовал подуть в голову в надежде, что это свистулька. Тут же лежала пачка салфеток для снятия грима.

– А презики использованные куда бросаешь?

– Да ну вас! – отшутился Феликс, садясь напротив.

Ему вдруг не понравилось, что кто-то сидит в его дорогом кожаном кресле, которое он лично выбирал, заказывал, подписывал для бухгалтерии счет на оплату.

Выпили по капле виски.

– Сколько мы не виделись? – подмигнул визитер. – Помнишь, как ты в Питере удрал с деньгами, а нас менты повязали? Потом отпустили, правда.

– Да, другие были времена! – ностальгически, но тревожно вздохнул Феликс.

– И другие деньги!

– Да какие там деньги, – махнул рукой Рот.

– 750 тысяч долларов США.

Феликс во второй раз поймал себя на мысли, что ему неприятно.

Гость почувствовал перемену настроения хозяина и немедленно сменил тему:

– Слушай, а почему наши прозвали тебя «Рот Фронт»?

– Это со студенческих времён пошло. Рот – понятно. Ну, а где Рот, там и Фронт. Тем более, отчество позволяет! Феликс Робертович – мудрёно, сразу и не выговоришь! Это у вас всё просто: Николай Николаич Беляков. Просто гений!

– Да брось ты, какой я гений! – улыбнулся Беляков, поправляя очки без диоптрий.

– Надеюсь, что добрый!

– Давай-ка о деле! Пока твой организаторский гений не завалил меня комплиментами.

Феликс, наконец, почувствовал к гостю искреннюю симпатию. Или это виски подействовало? «В самом деле, к чему подозрения? Если каждого подозревать, не с кем будет работать!» – подумал Рот, собираясь с мыслями.

– Итак. Клиент сложный. Лицо, видели, какое? Когда пытается улыбаться, кажется что хочет убить. Дети плачут. Экстерьер херовый – пузо висит. Опять же, возраст за шестьдесят. Сложно из него молодого козлика лепить, а старым козлом он быть не имеет права! Но внешность фигня, подлатаем. Хуже, что он двигаться не умеет: грациозен как мешок с навозом. Объяснил ему, что правый профиль у него лучше – теперь встаёт перед камерами как надо. Учу не держать руки в паху. Пока не усвоил, но быстро схватывает. Что хорошо – любит петь! Как увидит микрофон, сразу хватать его и, ну, давай наяривать! Репертуар блатной. Сейчас модно, типа «шансон». Слуха у него нет, но это и неважно. С русским языком беда. У него, как у всех у них – техникум, комсомол, вуз заочно, потом по партийной линии, в 90-е в бизнесе недолго и опять во власть. Негде было научиться! Когда возбуждается, начинает добавлять после каждой фразы «-бл..».

– Помнишь, на Урале у нас губер был? Постоянно добавлял «-нах», – вспомнил Беляков, – Отучали-отучали его. Только калёным железом не жгли – бесполезно!

– Этот тоже старый производственник, – кивнул Феликс. – Через слово лепит «МазутЫ», «северА», «на нефтИ». Внушаю, что низзя. Проникается. Но попотеть придется.

Николай Николаич молча брэнчал льдом в пустом стакане, глядя на огромный, во весь рост, фотопортрет, где губернатор изо всех сил, но тщетно старался казаться добрым. Потом встал и подошел поближе, освободив кресло пресс-секретаря, куда Рот тут же поспешил пере-сесть.

– Серьезный кабан! – резюмировал осмотр портрета Беляков. – Так сразу и не скажешь, где у него «кнопка».

– Прекрасный семьянин. Двое детей. Трое внуков. Все пристроены в столице на хороших должностях. Жена банкирша. Липовая, конечно. Из тех, что возглавляют «свои» комбанки.

Любит грудастых секретарш. Обязательно блондинок. Причем, держит их при себе до достижения 27 лет, потом увольняет. Я справки наводил.

– Так вот ты какой! – Беляков погладил губернаторский портрет пальцем по голове: – Я буду называть его Лысым!

– О'кей! Тем более что я его уже так называю!

– Что, правда!?

Роттенмайер кивнул и вдруг рассмеялся своим громким грудным смехом, как будто пытался одновременно закричать, прокашляться и высморкаться. Белякова даже покорило. Этот неприятный смех и раньше оставлял ощущение тяжелого нервного расстройства у его обладателя, но теперь, похоже, всё стало еще хуже.

В кабинет заглянула Валентина, чтобы убедиться, что ничего не случилось, но Рот ее отослал.

– Фронт работ, конечно, большой. Но из неисправимого – только отчество.

– Павианович? – удивился Беляков. – Выходит, папа у него был Павиан?

– Сам удивляюсь. Специальную литературу читал, у знатоков интересовался. Нет такого имени! – развел руками Роттенмайер. – Ну, вы же в курсе, как это делалось раньше, когда отменили святцы. Родился в деревне мальчик, и местные грамотеи записали его Павианом. Революция, коллективизация, палочки за трудодни. Кому там было дело до имени! Спасибо, что Горшком не назвали!

– С Горшком было бы проще, – серьезно сказал Беляков.

– Зато этот самый павиан заставил клиента лбом стены прошибать. Только представьте себе, как его дразнили: в школе, в техникуме, в армии, на заводе. Это какую же харизму надо было нарастить, чтобы всё это вынести и пройти по жизни до самого верха Павиановичем?!

– Чувак заслуживает уважения! – согласился Беляков, щёлкая портрет пальцем по носу.

В глазах Феликса промелькнуло что-то очень похожее на ревность. Тонкие губы на его подвижном, изменчивом лице на долю секунды исказила гримаска, которую Николай Николаевич успел заметить, но оставил без внимания – точно так же, как ранее он остался совершенно равнодушен к деланному восторгу и кукольной радости. Со стороны могло показаться, что, даже ничего не говоря, а просто молча находясь рядом, Беляков как-то умудряется подавлять на Роттенмайера – едва перебирая пальцами невидимые нити, наполнять тяжестью своего таинственного авторитета ранимую душу начальника пресс-службы.

– Значит, поработаем вместе? – странно обречённо, будто выпрашивая, спросил Рот.

– Это было бы небезынтересно, – последовал ответ, который мог значить что угодно.

III

Здание региональной администрации стояло в самом центре Кремля, чьи стены и башни смотрели с холмов на город своими кирпично-красными глазами с темной поволокой амбразур. Никто не помнил уже, что в древности они были белокаменными, сработанными фряжинами, знавшими толк в изящном искусстве фортификации. Время сравнило их труды с землей, и лишь пленные германцы семьдесят лет тому назад имели достаточно досуга, чтобы заново возвести детинец – на этот раз в кроваво-томатном убранстве. Внутри этого кетчуп-тауна и торчал куском сахара «Белый дом». Место было намоленное – цитадель власти соорудили в 50-е на фундаменте взорванного православного собора. Первые четыре этажа куба бывшего обкома партии ныне оккупировали министерства, а на пятом – под самой крышей – словно херувим, «парил» губернатор. Были в Кремле и здания поменьше: «Серый дом» мэрии, построенный на месте древнего погоста, а также Законодательное собрание, не сумевшее отметить себя богохульством по той простой причине, что было возведено в дикие и жестокие времена крепостничества и Просвещения, при матушке Екатерине Великой.

Однако все эти архитектурно-исторические изыски были безразличны аналитику Николаю Николаичу Белякову, который был занят изучением важной информации.

Он сидел за столом, на котором как игральные карты были разложены небольшие фотографии нынешних обитателей «Белого дома». На обороте каждой фотки размашистым почерком Феликса была начертана должность, имя ее обладателя и краткая характеристика.

Беляков вытянул из колоды одну из карточек, взглянул на нее и, полюбовавшись эффектной брюнеткой с красивыми глазами, выдал по памяти: «Наталья Кабакова. Директор департамента международных связей. Визы шенген быстро. Красивая дура. Боится камер».

Конечно, Рот имел в виду телекамеры.

Вторым выпал пожилой лупоглазый господин с попугайским хохолком на макушке. Сизоватое лицо, по которому словно прошлись напильником, выдавало в нём заядлого курильщика с большим стажем.

«Вице-губернатор Петров. Сан Саныч. Человек-лошадь. Безотказный дурак. Тянет на себе всю работу. Одевается как сотрудник собеса. Жена дура».

Беляков покачал головой, пытаясь сообразить, как ему может пригодиться в работе эта информация.

Потом сдвинул колоду и вытащил снизу портрет смуглого небритыша. Двойник президента Ирана выглядел на фото сильно похудевшим и как-то особенно небритым.

«Директор дорожного фонда Воронков. Вороватая воровайка. Угроза имиджу правительства».

Следующей оказалась пожилая, похожая на болонку, низенькая полная блондинка-вамп с густо на помаженными губами. Беляков наморщил лоб и вспомнил: «Министр социальной политики Дарья Варезкина. Петровна. Дура набитая. Ее предшественник ходит под судом».

Белякову надоело тянуть их по одному, и он разложил «карты» веером. Первым выпал из колоды старый брыластый дядька, похожий на заслуженного бульдога.

«Пузо Вячеслав Иванович. Заместитель губернатора по общим вопросам. В прошлом журналога-рenegат. Давным-давно написал дрянную книжку про Лысого, за что и попал в его „команду“. Балласт».

– Во, как люди карьеру делают!

Прямо за Пузом лежали фотки двух коренастых, похожих друг на друга молодых мужчин в одинаковых итальянских костюмах. Они были скреплены степлером.

«Слева замгубернатора Святкин. Чемпион мира. Справа министр спорта Кругляшов. Чемпион Европы. Оба дураки».

«Не многовато ли дураков во власти?» – подумал Беляков, расправляя плечи.

Впрочем, по классификации Роттенмайера, кроме дураков, были еще попки, подкидыши и пересидельцы.

Попками Феликс окрестил бесполезных людей, кого нельзя было отнести к дуракам по формальным основаниям. Подкидышами назывались те, кого губернатору подкинули – попросили «сверху» взять к себе на работу – как правило, на время. Пересидельцами тоже были «мигранты». К ним относились серьезные люди, по той или иной причине лишившиеся должностей в других регионах или столице. Им надо было пересидеть в провинции годик-другой.

Особой характеристики удостоился министр культуры Лука Моисеевич Редькин – колоритный мужик с огромными усами, у которого Рот прямо на лбу написал заглавными буквами: «М..ДАК».

Зазвонил будильник, поставленный с вечера. Это значило, что пора отложить пасьянс и отправляться на новую работу. В Кремль.

Беляков засобирался.

Пресс-служба регионального правительства, кроме приемной и кабинета Феликса, занимала в «Белом доме» еще два помещения – оборудованный на лестничной клетке между вторым и третьим этажами аппендикс-«стекляшку» и бывший буфет, спрятанный на третьем этаже. В них помещались 28 посадочных мест для сотрудников, а если быть совсем точным – для сотрудниц. Дамы и девушки всех возрастов, калибров, мастей и степеней привлекательности составляли тот самый неповторимый букет отношений, которым отличается всякий уважающий себя террариум единомышленников. Еще одним мужчиной в коллективе, кроме Роттенмайера, был угрюмого вида юрист. Смутить его не мог даже выворачивающий душу смех руководителя.

Беляков вспомнил, что у Феликса никогда не складывались отношения с мужиками. Было странно видеть, как в гогочущей мужской компании с ее солеными шутками, он смущается и краснеет, не зная, что сказать и куда деть руки. В прошлые годы это можно было списать на юношескую застенчивость (Рот был моложе всех и не раз был посылаем за пивом), однако теперь всё говорило о том, что это диагноз. И в «стекляшке», и в «буфете», и у себя в кабинете в окружении дам Рот преображался, начинал громко говорить глупости, которые считал шутками и сам же им смеялся под снисходительные и льстивые взгляды своих материально зависимых от него обожательниц.

Незаметно проскользнуть на оперативку к Феликсу, чтобы тихо как мышка посидеть в уголке и послушать, не получилось. Изголодавшаяся по свежим мужским лицам женская часть коллектива мгновенно повернула головки в сторону Белякова, и только гортанный окрик искусственного в дрессуре Роттенмайера заставил их вернуться к работе.

– Что у нас с мониторингом прессы? – строго спросил Феликс. – Кто хочет отвечать?

Никто не хотел. Простой вопрос прозвучал таким тоном, что все невольно напряглись. Происходящее напоминало урок в начальной школе. Забытые детские ощущения – смесь страха и желания понравиться злему учителю – нахлынули на Белякова, удивив и позабавив.

В конце концов, после тягучих пауз и небольших пререканий, жребий пал на дородную даму бальзаковского возраста в золотых очках, с огромной грудью и со смешными кудряшками, закрывавшими лоб.

– Ирина Геннадьевна, начинай!

Она начала, вздыхая и глотая слова. Феликс слушал, напряженно вглядываясь в лица присутствующих.

За спиной у Белякова кто-то передал кому-то записку. Роттенмайер заметил, остановил даму с кудряшками на полуслове и ткнул в провинившуюся пальцем:

– Романова! Продолжать!

Девушка замерла на мгновение, но мысль подхватила, и Беляков услышал, как вся аудитория тихонько выдохнула.

Речь шла о вчерашнем подходе Лысого к журналистам. Мероприятие было рядовым жеванием соплей, пока на нём не всплыла тема спила голубых ёлок под строительство кафе в исторической части города. Беляков видел сюжет в новостях и отметил его как потенциально опасный, потому что Лысый вдруг встал в позу и выпалил, что «ёлок у нас навалом, а вот еще одно кафе в центре не помешало бы».

– Ирина Геннадьевна, вопрос к вам! – Роттенмайер бесцеремонно перебил Романову, вновь обратившись к грудастой даме, вздрогнувшей как от удара током. – Я спрашиваю: почему пять телекомпаний выполняют наше техзадание, а шестая – нет?! Да ладно бы коммерческая какая, пальцы гнущая! Так ведь государственное ТВ, с бюджетным финансированием! Я спрашиваю вас, как руководителя отдела по работе со СМИ: почему пять коммерческих студий вырезали слова губернатора про ели по нашей просьбе, а государственный канал – оставил?!

– Я им звонила! – с отчаянием в голосе выпалила Ирина Геннадьевна. – У них одна кассета на две группы. Они оттуда сразу на машзавод поехали сюжет делать. А потом режиссер монтажа у них не вышел на работу. Вы же знаете, какой у них там бардак. Вот и не дошел сигнал! Про ели...

– Молчать! – завизжал вскипевший от негодования Роттенмайер. – Загляните в интернет на городской форум! Там всё кипит вокруг этих ёлок! Это ваша зона ответственности! И вы её не «про ели». Вы её про. бали!

Беляков не верил своим ушам.

Судя по спокойной реакции коллектива, здесь это было нормой. Мат в исполнении Феликса в окружении девушек и женщин звучал не по-шахматному экстравагантно.

– Меня не интересует, почему вы не смогли донести наше мнение до канала! – разорвался Рот. – Мне пох. й, кто у них там заболел! Я спрашиваю вас: какого х. я это происходит уже не в первый раз?! И почему, бл. ть, я должен снова отмазывать первое лицо из-за вашей лажи?!

– Я звонила. Я посылала СМС, – лепетала пунцовая дама, упиравшись взглядом в стол; под кудряшками от волнения выступил пот, и они начали липнуть ко лбу.

– И-ри-на Ген-надь-е-вна! – убийственным тоном нараспев проблеял Рот, – Не отвечает главный редактор, звоните директору! Не отвечает директор, звоните мне! Вы как пиарщик должны были грудью лечь у них в ньюсруме, а эти слова в эфир не выпустить! Надо было отдаться всем пять раз в извращённой форме, а позора не допустить!

Горячая слеза оставила след на припудренной щеке и упала на грудь дамы с кудряшками.

Беляков заметил, что кое у кого из присутствующих из чувства женской солидарности тоже задрожали губки.

Роттенмайер, тем временем, разразился длинной тирадой о важности работы в пресс-службе. И о том, что, из-за таких как Ирина Геннадьевна, он не знает, как теперь «тушить этот пожар». И о том, что незаменимых нет, и он готов подписать заявление по собственному желанию любому, потому что чудовищно «устал от балласта».

Белякову захотелось вынуть ремень из брюк, чтобы выпороть зарвавшееся молодое дарование.

На виду у всего трудового коллектива.

С подрывом авторитета.

Однако вместо этого он вскинул руку, прося к себе внимания, встал, поправил волосы, очки и начал говорить:

– Мне кажется, Феликс Робертович сгущает краски. Ёлки и кафе – это головная боль муниципалитета. Вот пусть мэрия и разгребает! Нам надо купировать проблему, понизив уровень ответственности. Выставить перед камерами кого-нибудь из замов министра экологии. Пусть нагонит тумана. Мол, работаем, вопрос под контролем. Ну, и само собой, из завтрашних газет губернатора выскрести. У нас ведь со всеми заключены договоры?

Роттенмайер кивнул.

– А мы знаем, кто пилит?

– Мэр Воробьев! – наперебой загалдели сотрудницы. – Это его племянника кафе!

– Значит, надо было раньше, до спила, запустить на ТВ сюжеты с экспертами, объясняющими, что ели не голубые, а старые и больные. И что, не спилив их, мы получим угрозу жизни и здоровью мамочек с детьми, гуляющими под этой живой рухлядью. Тогда всё было бы тихо и мирно.

– Так они же голубые! – сказала умница Романова.

– И не старые! – поддержала ее Ирина Геннадьевна.

– Видите, с кем приходится работать! – проскулил Роттенмайер, делая вид, что ищет у Белякова сочувствия. – Всем говорю! Выборы на носу! Слушать Николай Николаича во всём! Делать что скажет! Выполнять все его желания и прихоти! И за работу! За работу! Быстро!

Сотрудницы поспешили к выходу, и в глазах у каждой второй, обращавшей свой взор на Белякова, стоял немой вопрос: «А вы, собственно, кто такой будете?»

IV

Рот положил на стол удостоверение кроваво-красного цвета и пухлый почтовый конверт.
– Господин советник! Получите и распишитесь! Просьба: корочками особо не махать. Хотя я сам иногда пользуюсь, есть грех. На местных гаишников производит впечатление. В конверте пластиковая карта на ваше имя со всеми причандалами. На нее будет сваливаться...

– На карманные расходы, – улыбнулся Беляков.

– Валя, сделай два кофе с лимоном! – крикнул Феликс в приоткрытую дверь и вдруг перешел на шепот: – Я же всё понимаю... Они же все программируемые... Все до единого... Ими можно вертеть как хвост собакой...

Его доверительный шепоток прервал телефонный звонок.

Рот стремглав бросился к аппарату:

– Слушаю вас, Вячеслав Иванович! Извините, раньше не мог ответить. Оперативочку проводил. По какому вопросу? Ах, интервью хотите! Никаких проблем. Сколько: полчаса, час? Тематика какая? Патриотическая!? Это прекрасно! Ой, не благодарите! Я вам перезвоню позже...

– Замгубернатора Пузо! – угадал Беляков.

– Он! Интервью хочет. Любит светиться на телеке. Прёт его от этого. А вот болонок и спортсменов в студию калачом не заманишь. Приходится убеждать, увещевать, давить. Некоторые меня из приемных выставляли! Дескать, ходит здесь, работать мешает! Но я поговорил с Лысым. Собрал их у него в кабинете. Пропесочил! Как шелковые теперь! У меня здесь репутация жесткого руководителя.

– Упырей мне не жалко, – сказал Беляков, подумав. – А вот подчиненные от тебя скоро разбегутся.

– Пусть бегут неуклюже! Где они еще такую зарплату найдут?! – ухмыльнулся Феликс и снова зашептал: – ...Как оно? ...Двигается? ...Или, может, помощь нужна?

– Ты о чём? – Беляков загадочно улыбнулся и устало потёр глаза. – Ты мне лучше вот что скажи: нами всё уже куплено, или еще остались свободные СМИ?

– Те, что остались, страстно желают, чтоб их отымили в грубой форме за деньги! – Роттенмайер рассмеялся так, что секретарь Валя расплескала за дверью горячий кофе. – Масштаб, конечно, не столичный, но десятками бюджетных миллионов ежемесячно ворочаю! Вот, глядите, пачка договоров на информационное обслуживание лежит у меня на подписи. И это только вершина айсберга! Еще выбиваю средства! Куплю всех с потрохами! Конечно, поругивают меня в минфине, грозят проверками замучить. Но ерунда, Лысый прикроет, для него же стараюсь! Сейчас важно так зачистить поляну, чтоб к выборам и мышь не проскочила! Плёвое дело. Биться-то не с кем. Если только с народом!

Раздался очередной взрыв ненормального смеха.

– Хватит ржать! – раздраженно сказал Беляков. – Есть большая проблема. Это интернет.

– Что есть, то есть! – согласился Рот. – Купить городской форум невозможно. Пытался надавить на владельцев – только хуже сделал. Закусили удила, теперь при каждом удобном случае гадят Лысому в шапку!

Валентина принесла на подносе две чашечки кофе и тарелочку с нарезанным тонкими ломтиками лимоном. Она зачем-то распустила свои великолепные рыжие волосы ранее собранные в хвост, а выставляя блюдо перед Беляковым, коснулась грудью его плеча. Николай Николаич сглотнул слюну и потянул носом облачко ее парфюма.

Рот заметил, и, отхлебнув из чашки, поджал в полуулыбке свои и без того тонкие губы.

– О чём мы говорили? Ах да, интернет это угроза! – вспомнил Беляков. – Работаем с блогерами по старой схеме. Выделяем лидеров. Отсекаем радикалов. Для остальных организуем

встречу с губернатором, где он их давит как танк велосипеды. Лысый убеждать умеет, от острых вопросов уходит мастерски. Но никто и не будет их задавать, если организатор не покусится на ресторан или хотя бы боулинг с пивом и шашлыками. Трансляцию сделай в Сети, прямую. На всякий случай, организуй падучую – в нашем деле техника должна уметь подводить.

Феликс понимающе кивнул.

– От встречи с блогерами получим позитивный выхлоп, и троллям сказать будет нечего, – продолжал Беляков. – Кстати, заведи страничку в твиттере. Да не себе, Лысому!

– Я думал об этом, но Лысый необучаем! – возразил Рот. – Компьютерный кретинизм!

– Не страшно, – успокоил Беляков, поддевая пальцем лимончик. – Страничка нужна для того, чтобы создавать PR-поводы. Заявить что-нибудь. Или оказать помощь. Дозированно, конечно. Колодец почистить, пластиковое окно вставить, вырвать очко для любимой команды. Детям – мороженое! Бабам – цветы! И каждый раз трубить об этом на всех шести продажных телеканалах. ...Кстати, видел по телеку интервью со звонками граждан. Неплохо придумано!

– Моя идея! – расплылся в улыбке Феликс.

– Все участники, конечно, подставные?

– Мы же профессионалы! Наши прямые эфиры идут исключительно в записи! Девки из «стекляшки» так похоже изображают пенсионерок! Умора! – Феликс захохотал своим безумным смехом, но, внезапно подавившись, стал серьезен как вдовец на похоронах, в очередной раз удивив Белякова скоростью смены своих настроений: – Я понял! Наша задача победить блогеров идейно, обезоружить и выставить идиотами. Правильно, Николай Николаич!

– Молодец! – сказал Беляков, беря в рот кусок сахара. – Технологию знаешь: выделяем лидеров, выходим на контакт, находим «кнопку», нейтрализуем. Остальное подсохнет и само отвалится! Кстати, пора бы уже забачать рейтинг народной поддержки Лысого! Процентом этак в 80! К выборам поднимем до 90! Дежурные социологи есть?

– Этого говна в избытке! – заверил Феликс. – Какой скажем, такой рейтинг и нарисуют! Только плати!

– Хорошо, – задумчиво сказал Беляков.

Феликсу льстили похвалы Николай Николаича. По правде сказать, он его побаивался. Этот белобрысый очкарик, чем-то похожий на Шурика из фильмов Гайдая, был интеллектуальной «машиной». В ее программу Создатель заложил алгоритм раскалывания непростых задач-орешков, которые силой или деньгами не решались.

В свою очередь, Беляков искренне ценил Роттенмайера. Как ценят слона, планируя разгром посудной лавки. Или компьютерный вирус, запускаемый в беззащитные сети.

Для начала серьезного дела Белякову пока не хватало информации. В таких случаях он всегда полагался на интуицию, а она подсказывала, что здесь может завариться интересная каша. Плюс бездонные глаза секретарши Валентины Стелькиной, чьи роскошные рыжие волосы и упругая грудь никак не шли из головы Николай Николаича. ...Вообще-то он был противником романов на производстве. Возможно оттого, что никогда не пробовал их заводить.

V

Местный сегмент интернета просто кипел. Собственно, он всегда кипел, но сегодня в тренде были две актуальные темы. Во-первых, голубые ели, пилить которые начали по распоряжению мэра, но, как оказалось, с одобрения инвестиционного совета при губернаторе. Доказывающий это документ кто-то ловко подбросил в топку всеобщего негодования, мгновенно превратив тлеющие угли в костёр, пылающий особенно красноречиво на фоне молчащих за деньги газет и телеканалов. Скачав с полгигабайта отборного мата, Беляков нашел источник крамолы. Им оказался блогер с трогательным ником «Romashka».

Второй темой, взбудоражившей городской форум, стала мигалка губернатора, из-за которой с утра на выезде из города, в районе бывших обкомовских дач, вот уже неделю образовывалась гигантская автомобильная пробка. Все давно привыкли к тому, что Павианович каждое утро ездит в Кремль по этой трассе. И всё бы ничего, но дорожники вздумали ее чинить. Вот и пришлось губернатору вылезать на встречу под бодрое кряканье машины сопровождения и осуждающие гудки простых граждан. Налицо была новая проблема, которую предстояло купировать, нивелировать и, в конце концов, свести на нет. Пока не поздно.

Городской форум не блистал конструктивом. Толковые люди, пытавшиеся сказать что-либо дельное, быстро затапывались недоумками, жаждавшими потроллить кого-нибудь за что-нибудь. Рот попытался привлечь к работе на форуме местный филиал молодежного крыла партии власти, однако младокомсомольцев с их туповатыми попытками обелить правительство Павиановича было видно за версту. Их затапывали с особым цинизмом.

Беляков выделил самых борзых пользователей, просто набрав в поисковой строке «Павианович урод». Затем по очереди стал подставлять к отчеству губернатора другие подходящие слова: «Кабан», «Свинья», «Ж. па», «ЧМО», «Крыса», «Козел», «Старый козел», «Оккупант». Много полезных ссылок пришло на «Вася-педрила» и «Василий Писсуарович». Утомившись, ради интереса он забил в поиске «Роттенмайер пид. р», хмыкнув, когда поисковик предложил переиначить запрос на «в-рот-он-майер», а количество найденных постов сложилось в пятизначное число. Пресс-секретаря Лысого тут не жаловали.

Составив список активных блогеров, Беляков стал вычеркивать из него тех, чей интеллектуальный уровень, по его мнению, не соответствовал губернаторской планке. Причем, «на карандаш» попадали не только дебилы, но и слишком умные и острые на язык. Требовался безопасный контингент, способный создать иллюзию общественного мнения, и не создать проблем Павиановичу. Особым вниманием пользовались те, кто гнал пургу не за идею, а ради красного словца – таких можно было быстро повернуть куда надо, а они этого даже и не заметили бы.

Наконец, в списке остались три десятка ников, за которыми могли стоять как реальные люди, так и боты, пытающиеся сделать свою собственную игру в мутной воде городского форума. Предстояло разобраться, кто есть кто.

– Господин Израитель?

– Да! А кто меня спгашивает? – отозвался в трубке молодой ботанический голос.

– Моя фамилия Беляков. Я занимаю должность советника в администрации области.

– Да ну? – удивились на том конце. – С чиновниками пгетпочитаю общаться сугубо официально.

– Тогда ответьте мне как физическое лицо физическому лицу: почему я, пытаюсь оставить сообщение на городском форуме, неизменно натыкаюсь на окошко с надписью «Кремля-дям здесь не место»?

– Потому что я заблокировал ваш айпи-адрес, – торжественно сообщил Израитель; в его голосе Беляков различил нотки бунтарской радости и самоуважения голубя, нагадившего на

голову памятнику. – Или, если быть сугубо точным, адгес всей вашей администгации. Вы удивлены?

Беляков не был удивлен. Он легко мог выйти в интернет из гостиницы или в кафе и написать на форуме всё, что считал нужным, но включил дурочку, наблюдая за реакцией собеседника.

– А какой ваш ник? – поинтересовался Израитель.

– А зачем вам? – по-еврейски, вопросом на вопрос ответил Беляков.

– Пгосто интегесно. Мы габотаем с аудитогией. Нельзя быть гавнодушным!

– Ромашка.

– Непгавда! – мгновенно среагировал Израитель. – Мы пгинципиально выступаем за свободу слова в интегнете. И если кому-то это не нгавится – это ваши пгоблемы. Мне звонил ваш хамоватый коллега Готтенмайег. Гугался и даже уггожал! Хотел меня пгессануть.

«Вот идиот!» – подумал Беляков, и это относилось к Роттенмайеру.

Разговора не получилось.

Пора было переходить к плану «Бэ».

Израитель был идейным вдохновителем городского форума, «мозгом» проекта, а всю финансовую часть вёл его деловой партнер Осадчий, который был фигурой непубличной. Его-то и собирался прощупать Николай Николаич. Однако прежде чем зайти с тыла, он сделал несколько контрольных звонков. И если бы кто-то вздумал подслушать, то не понял бы ничего, за исключением слов «административный», «ресурс» и «включить».

Прозрачные стены «стекляшки», где под гнётом Феликса Робертовича томилась девичье-женская пресс-служба, отлично проводили звук.

– Бездельники! Бездарности! Балласт!

Оперативка была в самом разгаре.

– Где стоял губернатор?! – вопрошал Роттенмайер у дрожащей дамы с кудряшками, и это больше походило на допрос, чем на деловой разговор. – Отвечать! Ну?!

– Феликс Эдмундович, я не помню! – расплакалась Ирина Геннадьевна, закрыв лицо руками.

– Там же, где всегда, – ответила за нее Романова. – Вышел в холл и стал отвечать на вопросы.

– А ты не догадалась, что нельзя комментировать секвестр бюджета, стоя под картиной «Последний день Помпеи»? Какого х. я вы его оттуда не увели!

– Секвестр символический. Федеральный трансферт его перекроет, – попробовал возразить кто-то.

– Молчать, когда я говорю! – как резаный завизжал Феликс. (Белякову показалось, что в уголках его губ появилась пена). – Обзванивайте телекомпании! Извиняйтесь! Просите! Вертитесь ужами! Делайте, что хотите, но чтобы этот комментарий в новостях не вышел!

– Газетам тоже звонить? – устало спросила Романова.

– У газет запросите материалы на согласование! ...Переходим к следующему вашему косяку. Валентина, подай сюда планшетник! ...Заходим в интернет и что мы, бл. ть, видим! Ничего!!! Я спрашиваю: где ролик с министром социальной политики Варезжиной?! Где анонс конкурса для пенсионеров?! Где?! Молчите?! А Дарья Петровна мне сегодня уже два раза звонила!!!

– Страницу обновите, – спокойно сказала Романова.

Ролик появился и воспроизвелся автоматически.

«Пенсия – это начало жизни! – убеждала министр Варезкина, улыбаясь в веб-камеру силиконовой улыбкой такого размера, что казалось, будто эта воронка хочет засосать в себя зрителя. – Много талантов... Мы уделяем большое внимание... Мы объявляем конкурс художественной лепки из пластилина. Дорогие пенсионеры! Лепите с нами! Лепите как мы! Лепите лучше нас!»

– А я вам говорила... – всхлипнула из угла заплаканная Ирина Геннадьевна.

– Всем молчать! – рявкнул Роттенмайер, останавливая видео: болонка Варезкина замерла на экране с неестественно открытой «варезкой».

Сотрудницы притихли как мыши.

В руках у Феликса появился смартфон. Рот откашлялся и проблеял в трубку тонким голосом:

– Дарья Петровна! Это Феликс. Вы страничку обновите! F5 нажмите! Кнопочка такая на клавиатуре. Эф 5! Сверху! Пальчик в левый верхний угол ставим. Получилось? Отлично! Ведём направо. F1. Мало. F2. Теплее. F3. Жарко. F4. Горячо ...F5! Нашли? Ой, хорошо! Жмите!

«Лепите с нами! Лепите как мы!...» – послышалось из трубки посреди гробовой тишины.

Беляков столкнулся в дверях «стекляшки» с Валентиной и невольно ею залюбовался. Сегодня рыжие волосы Стелькиной были затянуты в тугую косу, которая спускалась сбоку по плечу и змеилась на рельефной груди.

Валя зарделась и опустила глазки.

Вслед за ней на волю выскочил Роттенмайер.

– Лысый одобрил идею отказа от мигалки! – шепотом сообщил он Белякову. – Говорит, ради победы на выборах готов постоять с лохами в одной пробке!

– Отлично! – отозвался Беляков.

– Готовим заявление? Пресс-конференцию?

– Выложи в интернете ролик, якобы снятый случайным свидетелем. На сайте приличной федеральной газеты. ...И еще! Мне бы пару твоих сотрудниц попользовать.

– Да хоть всех сразу! – кинул Феликс на ходу. – И можно в нетрадиционных целях!

Беляков вошел в «стекляшку» и остановился.

Ему было странно чувствовать на себе девичьи и женские взгляды, словно стадо трепетных ланей присматривалось к нему, пытаясь определить, кто перед ними – хищник или безопасное травоядное? Беляков не был ни тем, ни другим. Он не был похож на начальника – в джинсах, рубашке и свитере. Он был непонятен коллективу. Сам себя он считал игроком, лишенным азарта и потому способным просчитывать свои действия на десять ходов вперед. Машиной, не знавшей поражений, находившей удовольствие не в результате, а в процессе. Долгие годы Николай Николаич провёл, работая в гостиницах, кафе, поездах и на коленке, поэтому в классическом офисе с его субординацией и формализмом ему было неуютно.

– Ирина Геннадьевна, вы не могли бы мне помочь?

– Да, конечно! – томно, грудным голосом ответила габаритная сотрудница.

– Соберите весь ваш артистизм! И чувственность!

– Между прочим, в юности я училась в театральном училище! – гордо сообщили кудряшки. – И, кстати, как женщина, я еще далеко не растрочена!

– Прекрасно. Я дам вам мобильный телефон. Наберу номер, а вы сыграете с абонентом маленькую пьеску. Вот текст. Прочтите его. Он может показаться вам безумным, но пусть вас это не смущает. Человек на том конце тоже удивится. Поддержите с ним внятный диалог. Можно импровизировать, не выходя за рамки сценария. Так сказать, в общей драматургической канве. Идет? И, пожалуйста, включите громкую связь...

«Стекляшка» притихла, с интересом наблюдая за происходящим.

– Господин Осадчий? Здравствуйте! – торжественно, нараспев, голосом оперной примы сказала Ирина Геннадьевна и вдруг рывкнула в трубку хард-роковым рыком: – Мыши-крысы есть?!

Беляков поднял большой палец и ободряюще кивнул.

– Не поняли?! Вроде по-русски спрашиваю: мыши-крысы есть?! Кто беспокоит?! Санэпидстанция! Ваши соседи жалуются на насекомых и прочую живность. Куда звоню?! В офис-центр на Героя Подлецова, 8! Что значит, вы не в курсе?! У нас уже целая пачка обращений!!!

Абонент был застигнут врасплох и путался в показаниях:

– Это городской форум. Всемирная паутина!

– Вот из паутины-то они и лезут! Жучки. Паучки. Древооточцы. Мы обязаны принять меры! – Ирина Геннадьевна вошла во вкус. – Как арендатора офисного помещения я информирую вас о внеплановой проверке. И если помещение не будет соответствовать ГОСТам... То есть СНИПам... Короче, нормам! То на вашу организацию будет наложен штраф, в соответствии с законодательством. Спустя месяц мы проведем еще одну, контрольную закупку... То есть проверку! И если вы не... То... Я, как руководитель отдела, вас официально предупреждаю!!!

– Bravo! – сказал Беляков. – В вас погибла Сара Бернар.

Из разных углов «стекляшки» посыпались смешки.

– Кого разыгрываем? – поинтересовалась Романова.

Она не была красавицей, но в ее глазах светился ум. Белякову нравилось работать с такими женщинами. Они ни в чем не уступают мужчинам и при этом лишены их недостатков.

– Один звонок! – попросил ее Беляков.

Романова пожала плечами, взяла листок с текстом и пробежалась по нему глазами.

– Здрасьте! Межрайонная налоговая инспекция! ООО «Городской форум»? У вас значится недоимка. Что значит, недавно проверяли? Плохо проверяли!!! По нашим данным вы уклоняетесь от налогов, а это, извините, статья! – Романова была напориста и остра, как бритва.

Рядом с ними уже выстроилась очередь из желающих поучаствовать. Беляков только успевал менять в телефоне сим-карты, чтобы не спалиться.

– Внеплановая проверка пожарной безопасности! – люто, с надрывом орала на Осадчего затюканная Феликсом маленькая боязливая девочка в очках. – Где у вас серверная? Почему у меня на плане ее нет! Да как вы могли это скрыть! Это же объект повышенной опасности!

Пресс-служба просто фонтанировала талантами.

Беляков решил, что правильнее будет растянуть звонки во времени и распорядился звонить Осадчему каждые полчаса – на городской и на мобильный. Так, до конца дня совладелец «Городского форума» узнал о претензиях прокуратуры, о деле по факту клеветы, где интернетчик должен был выступать в качестве свидетеля («пока свидетеля»), о кознях анонимных жалобщиков в административно-техническую инспекцию. Наконец, о доме престарелых, которому мошенники, представившись Осадчим и Израителем, продали долю в «Городском форуме». Добила его бабулька, спросившая почём свежий интернет на дискетах? Ее интересовали флоппи-диски.

Когда стемнело, Беляков набрал Израителя.

– Добрый вечер!

– Вы думаете?

– Как ваш партнер Осадчий? Его мобильный молчит.

– У него невгный сгыв! Ему весь день звонят какие-то сумасшедшие бабы! И самое густое, что их бгедни подтвегждают инстанции. Вы, господин Беляков, конечно, тоже собигааетесь пгессовать нас и наших клиентов?

– Ни в коем случае! Я собирался пригласить вас и ваших клиентов в ресторан. Для разговора с губернатором.

– Какого газговога?

– Душевного! С возлияниями. Список гостей лежит у вас в почтовом ящике. Электронном, разумеется. Надеюсь, все откликнутся. Ведь это такая возможность высказать губернатору всё, что они так долго пишут о нём на форуме. Правда, для этого им придется сбросить маски.

– Или потегять лицо... – задумался Израитель. – И если они откажутся, они будут пгосто говнюки.

– Ровнюки? – не понял Беляков.

– Нет, говнюки.

VI

В женских коллективах информация распространяется со скоростью звука. Правда, эта особенность никак не сказывается на эффективности их работы.

– Николай Николаевич, разрешите угостить вас кофе!

Беляков удивился инициативности Валентины и попросил у нее зеленого чая.

Он только что засел с документами в маленькой огороженной комнатке в помещении бывшего буфета на третьем этаже, чтобы спокойно поработать подальше от шумной и суетливой «стекляшки». Однако уже через минуту перед ним стояла рыжеволосая красавица с подносом, на котором красовались две чашки на блюдцах из гостевого сервиза Роттенмайера.

– С чем связан интерес такой девушки к моей скромной персоне? – осторожно поинтересовался Беляков, с удовольствием наблюдая, как Валентина разливает кипяток.

– Вы необычный, – помедлив, сказала девушка, и Беляков поёжился, сообразив, что в данный момент она оценивает его как мужчину. – Вы всем тут понравились. Не только мне.

«На фоне злого Роттенмайера и добрый Квазимодо Аполлон», – подумал Беляков, бросая в горячий чай кусочек рафинада.

Сахар быстро потерял форму.

– И давно вы этим занимаетесь?

– Чем? – не понял Беляков.

– Ну, этим... Пиаром.

Взгляд роскошных зеленых глаз Валентины был таким трогательно-наивным и обезоруживающим, что Белякову захотелось зажмуриться. Его словно обдало жаром. Он подумал: что бы такого соврать, чтобы произвести впечатление. Потом вдруг вспомнил главное правило PR – «не врать, а смещать акценты» – и решил говорить правду.

– Смотря, что понимать под пиаром. Если выборы, то пятнадцать лет. Если способы оказания влияния на людей, то всю сознательную жизнь.

– Как интересно! Расскажите об этом!

– С удовольствием!

Они решили спуститься в ресторан, располагавшийся на самом «дне» здания-куба областной администрации.

Время обеда давно миновало, но людей за столиками было полным-полно. Сновали официанты.

По совету Валентины Беляков заказал фирменное блюдо. Он чувствовал непривычное волнение, поскольку был уверен, что служебные романы деструктивны. Однако именно к этому всё и шло. С каждым словом, с каждым движением глаз и рук его всё сильнее пропитывало теплое сладкое предвкушение. Они давно потеряли нить разговора и просто болтали о том, что приходило в голову. Это было легко и приятно, как звонкий смех Валентины, находившей его избитые шутки и бородатые анекдоты восхитительными. Николай Николаевич таял как тот кусок сахара в чашке, однако часть его сознания даже в это время продолжала активно работать, сопоставляя факты и анализируя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.